

Председателю
Следственного комитета
Российской Федерации

генерал-полковнику юстиции

Бастрыкину А.И.

от старшего следователя Головинского
Межрайонного следственного отдела
Следственного управления по
Северному административному округу
Главного следственного управления
Следственного Комитета Российской
Федерации по г. Москве

старшего лейтенанта юстиции

Клинникова Е. В.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый Александр Иванович!

Обращаюсь к Вам, поскольку кроме Вас никто не сможет принять законное решение.

С июня 2009 года я, Клинников Евгений Витальевич, работал следователем районных следственных отделов Московской области и г. Москвы. За три года работы не имел – ни одного дисциплинарного взыскания. Работал честно, соблюдал присягу следователя Следственного комитета и служил по закону и совести.

В ноябре 2010 года я присутствовал на совещании молодых следователей Следственного комитета, которое проводили Вы в Центральном аппарате.

В этот день Вы задали на вопрос: «А почему с момента создания Следственного комитета ко мне не обращался и не пришел на личный прием ни

один следователь?» Тогда никто не нашелся, что ответить. А сейчас я знаю ответ – да потому что не было беды. Трудности – да, были. Но это рабочие моменты и не в традициях русских офицеров жаловаться на тяготы и лишения службы. В моем любимом фильме – «Офицеры» с Лановым Василием Семеновичем звучит бессмертная фраза: «Есть такая профессия - Родину защищать!» Я и в обычной жизни придерживаюсь этого девиза. Я так воспитан.

Уважаемый Александр Иванович! На том совещании в СКР Вы учили нас работать, сказали, что не стыдно, если вина человека не доказана, признать свою ошибку. Учили относиться к уголовным делам, как к живым, оценивать и документы, и человека. Вы тогда сказали, что одна из приоритетных целей СК – раскрытие преступлений и привлечение к ответственности действительно виновных людей, чтобы исключить необоснованные аресты. Гарантом достижения этой цели должны были стать профессионализм следователей Следственного комитета, а не пускание пыли в глаза. Вы говорили, что настоящие преступники должны быть наказаны, а следователь не должен, не имеет право ошибиться. За каждым делом – судьба человека, его близких, его детей, а не статистические карточки. Вы учили думать о людях, Вы учили думать о каждом человеке.

Я благодарен судьбе и Вам за то, что мне посчастливилось присутствовать на том совещании. Благодарен за эти напутствия, за эти законы следственной жизни.

Однако, не все сотрудники СК с Вами согласились тогда. Ваши требования к работе разбились об их личную стену цифр, статистики, показателей. В этой гонке за статистикой у некоторых теряются ориентиры, судьбы людей ломаются одним росчерком пера. За карточками, номерами дел зачастую они не видят людей, живых людей игнорируют. Но я очень рад, что не я один слышал Ваши наставления. И большинство сотрудников, с кем мне посчастливилось работать, избрали для себя, как и я – не формальный, а человеческий подход. Не забывая об этом, мы работали профессионально и в правовом поле, как Вы нас и учили.

Ваше напутствие нам, молодым следователям, затронуло меня, Ваши слова я пропустил через свой ум и сердце. В течение долгого времени после этого я обдумывал их. И в феврале 2012 года я направил Вам личное обращение, в котором

изложил свои мысли по поводу работы некоторых сотрудников СКР. Несмотря на то, что Вы действительно правы, они до сих пор боятся пойти против статистики – боятся прекращать дела по законным основаниям, боятся освобождать невиновных людей, боятся признать свои ошибки, хотя Вы честно и открыто призывали к честной работе своих следователей. Интересы службы превыше всего, но именно людей, именно их жизни и здоровье конституционные права мы поставлены защищать. Именно это, я думаю, стоит на первом месте. И, если есть доля сомнений в виновности лица, я, как следователь, должен 10 раз, 20 раз проверить все доводы, все доказательства, не взирая на свое – личное время, свои личные проблемы. Так поступал я. Вместе со мной также работали многие следователи СКР. Но не все... К сожалению – не все.

С 18.12.2012 мной неоднократно подавались обращения на Ваше имя. Ответы на них подписаны подчиненными Вам сотрудниками, при этом первый ответ дал бывший заместитель руководителя Главного следственного управления по г. Москве.

Мои обращения фактически не рассматривались, оценки изложенным в них доводам не дано. Данные сотрудники Центрального Аппарата СКР ограничились лишь формальной отпиской, что все «законно и обоснованно», перенаправив обращения в ГСУ по г. Москве.

Таким образом, некоторые сотрудники Центрального Аппарата, не желая брать на себя ответственность, самоустранились от рассмотрения обращений. Подчиненные Вам сотрудники испугались уведомить Вас о моем обращении, поскольку нарушения закона настолько вопиющи, а факты фальсификации так очевидны, что некоторые из них могут лишиться должностей.

Уважаемый Александр Иванович! Искусственные «преграды» карьеристов – бюрократов не дают мне возможности обратиться к Вам лично, поэтому я вынужден обратиться к Вам через средства массовой информации.

Сейчас я прошу Вас о помощи. Я, следователь, прошу Вас о помощи, потому что верю Вам и уверен, что судьба сотрудника Вашего Комитета не безразлична Вам.

В апреле 2012 года я проводил проверку по факту применения насилия в отношении полицейского со стороны четырежды судимого (за грабежи, кражу, мошенничество и наркотики) Ершова. 2 мая 2012 года, в день, когда я возбудил в отношении него новое уголовное дело по ст. 318 Уголовного кодекса РФ (насилие в отношении полицейского), меня задержали сотрудники ФСБ города Москва. Оказалось, что Ершов написал на меня заявление о якобы вымогательстве денег за отказ о возбуждении дела.

Мой кабинет был осмотрен сотрудниками ФСБ и СКР города Москва. В одной из тумб были обнаружены денежные средства и их муляжи на сумму 300 тысяч рублей. Данные деньги мне подбросил Ершов, когда я выходил из кабинета, чтобы вызвать охрану и вывести его.

Мой разговор с Ершовым в день задержания, его неадекватное поведение и факт подбрасывания денег записан на видео сотрудниками ФСБ.

Я не совершал противоправных действий, не признаю своей вины и заявляю о том, что Ершов меня оговорил, чтобы избежать уголовной ответственности по СТ. 318 УК. Однако, тем не менее, он все же был осуждён (уже в пятый раз) к трём годам лишения свободы по СТ. 318 УК. При этом суд не арестовал Ершова, а назначил срок условно. Условно! Рецидивисту с непогашенной судимостью, избивающего полицейского в течении 30 дней после выхода из тюрьмы. При таких обстоятельствах суд, признав Ершова виновным, оставил его на свободе, посчитав неопасным для общества. Вот это гуманизм. Вот это либерализация наказания. Уверен, второго подобного приговора судьи Москвы ещё не выносили. Объяснять причины и называть, кому это было выгодно представляется лишними.

После осмотра моего кабинета меня доставили во второе управление по расследованию особо важных дел ГСУ СК России города Москва. Я сидел в коридоре, когда из того кабинета, где находилось руководство второго управления и сотрудники ФСБ, я слышал разговор на повышенных тонах, из которого следовало, что следствие отказывалось возбуждать уголовное дело в отношении

меня, потому что видео запись разговора с Ершовым полностью опровергала подозрение в вымогательстве и получении мной взятки. Однако, факт оперативного сопровождения сотрудниками ФСБ следствием воспринят весомее истинных обстоятельств произошедшего.

Руководство ГСУ по городу Москва просто не стало ссориться с всесильным ФСБ из-за районного следователя. И действительно, зачем ему надо это? В 2011 году из ГСУ по городу Москва уволилось более 100 следователей из 400. Одним больше, одним меньше, не важно, так рассуждает Руководство ГСУ столицы страны. А вот отчитаться перед Вами, Александр Иванович, о возбуждении “сладкой” 290-ой статьи (взятка), о “борьбе с коррупцией в своих рядах” – отличная перспектива для некоторых. Они готовы обманывать даже Вас, лишь бы росли статистические показатели. Это страшно.

Из постановления о возбуждении дела следует, что взятку от Ершова получил “Клиников Е.А.”. Меня же зовут Евгений Витальевич. Техническая ошибка? Но в тот же день заместитель генерала ГСУ создаёт следственную группу по делу и также устанавливает в своём постановлении, что взятку получил “Клиников Е.А.”. На следующий день следователь ГСУ по городу Москва, Аракелов предъявляет мне обвинение по ст. 290 УК РФ, хотя в постановлении (уже третьем по счёту) указывает, что “Клиников Е.А.” получил деньги. Следователь то же самое указывает в ходатайстве о заключении меня под стражу. И это всё технические ошибки? Тогда почему этот же следователь спустя месяц после этого в пяти постановлениях о постановлениях о назначении экспертиз продолжает утверждать, что не я, а “Клиников Е.А.” почил взятку?

Да потому что никто – ни Руководство ГСУ, ни следователь не читали документы, которые подписывали. Они расследуют ОСОБО ВАЖНЫЕ ДЕЛА, а тут какой-то районный следователь со своей правдой. Для них главное – что возбудили дело, а суд как-нибудь осудит.

А всё началось с осмотра моего кабинета.

Александр Иванович, Вам как профессионалу достаточно прочитать протокол этого осмотра. Вы ужаснётесь помимо прочих существенных нарушений, протокол содержит более 10 двусмысленных выражений и противоречий, что недопустимо – особенно в ключевых местах. Человек, прочитавший данный протокол, не поймёт ни в какой из трёх тумб найдены деньги, ни обстановку в кабинете, ни способы упаковки изъятого. Из всех изъятых предметов опечатан штампом лишь один.

И такой осмотр проводит капитан юстиции следователь по особо важным делам ГСУ СК субъекта Федерации. Это тоже техническая ошибка? Да всё это дело – одно ОГРОМНАЯ СТРАШНАЯ ОШИБКА!

Грубейшим образом нарушены требования уголовно-процессуального закона в связи с чем, этот протокол является недопустимым доказательством, не соблюдена процедура осмотра в том числе, в том числе правила фиксации его результатов.

Дальше – больше. Следователь отказался получить у меня образцы голоса для фонетической экспертизы. На мой вопрос об этом он ответил, что ему достаточно показаний Ершова, что слова Ершова следователь считает весомее заключения эксперта.

И, вот, наконец, следователь получает заключения экспертиз.

Компьютерная экспертиза полностью опровергает показания Ершова о том, что я якобы напечатал ему требования и инструкции по даче взятки.

В ходе осмотра кабинета следователь и один из экспертов ФСБ почему-то настояли на том, чтобы именно я переложил для осмотра с тумбы на стол листки бумаги, на которых лежали уже вынутые экспертом из полиэтилена деньги и их муляжи. И я, доставая эти листки, находясь в жутком шоке от этой провокации, начинаю вытаскивать несколько листков, а деньги соскальзывают, и в этот момент я машинально придержал их рукой, чтобы они не упали, а затем рефлексивно дотронулся левой рукой до правой. Почему именно я должен был доставать эти листки? Разве у следователя, у эксперта, оперативников нет своих рук? При этом с

самого начала осмотра мои руки не проверили на наличие порошка. Почему? Да потому что они знали, что мои руки были чистыми, и я не знал о наличии денег в кабинете и не трогал ни их самих, ни упаковку.

Дактилоскопическая экспертиза опровергла ложное утверждение следствия, что я якобы дотрагивался до денег или их муляжей и полиэтиленового файла, в котором они были завернуты.

При этом факт наличия у меня на руках порошка логично объяснялся сразу же, так как он появился лишь при касании руками денег в ходе осмотра кабинета и обнаружении в конце осмотра. Мои пояснения по данным обстоятельствам совершенно необоснованно перевёрнуты следователем с ног на голову. Мне никто из них не верил.

Но дело-то уже возбудили, Вам об этом доложили, значит верить мне нельзя. Такая позиция у Руководства ГСУ города Москва.

И поэтому назначают так называемую лингвистическую экспертизу, ставя перед экспертом-филологом вопросы, относящихся, как минимум, к психологу, а скорее всего, к группе различных специалистов о том, мог ли я и Ершов в разговоре подразумевать и намекать на взятку. Но эксперт, не желая выносить незаконное заключение, и не желая ссориться с ФСБ, делает вывод: *«возможно могли»*. Это «соломоново решение» устраивало следователя, так как он, на основании слов только что освободившегося из мест лишения свободы Ершова, делает удобный для обвинения вывод – «могли», не замечая ключевое слово – *«возможно»*. Иных доказательств у обвинения нет.

Показания рецидивиста (судимого, в том числе и за мошенничество) против показаний молодого офицера СКР стоят на чаше весов.

Уголовно-процессуальный закон грубейшим образом нарушен, начиная с оперативно-розыскных мероприятий, возбуждения уголовного дела, заканчивая голословными показаниями Ершова, не подтвержденными аудио и видеозаписями, а также опровергнутыми экспертами. Ершов, испугавшись и желая любыми путями

избежать ответственности за очередное преступление, совершенное им в течение месяца после освобождения из мест лишения свободы, подал ложное заявление в ФСБ, обвинив меня в совершении особо тяжкого преступления, ввел в заблуждение сотрудников ФСБ и СКР, однако, не смотря ни на что, все же был осужден по ст. 318 УК РФ.

Тогда почему следователь продолжает упрямо верить только ему? Почему следствие не оценивает объективно мои показания? Не проверяет их? Да потому, что пришлось бы прекратить уголовное дело. А это – грандиозное ЧП для ГСУ по г. Москве.

Знаете, я задал эти вопросы следователю Аракелову, на что он мне ответил, цитирую: «Я все понимаю... Но не отпускать же тебя теперь. Меня тогда выгонят с работы. Спросят, что я делал эти 7 месяцев. Ты же сам работал и понимаешь, что дело возбудил руководитель ГСУ, а он ошибаться не может». Что это за черствость, слепота следователя... Я надеюсь, он это делает не нарочно, а в плену погони за статистикой, человек просто потерял верные ориентиры. И мне, как следователю, порой очень горестно, поскольку я знаю, что всего одна ошибка может перечеркнуть всю работу целого коллектива и бросить тень на руководителя.

Фальсификацию в отношении меня уголовного дела называют борьбой с коррупцией в собственных рядах. Не об этом говорил Президент, не такой «борьбы» он требовал от нас. Однако, извращенное понимание некоторыми должностными лицами смены президентского курса приводят к грубейшему нарушению закона, злоупотреблению полномочиями, подрыву авторитета честных работников и их руководителей.

Также мне не хотелось бы думать, что это месть следователя, ведущего мое дело, за то, что два года тому назад я начал в отношении него проверку по заявлению одного обвиняемого, в котором человек сообщал, что в отношении него совершено злоупотребление полномочиями. Этот обвиняемый впоследствии повесился в СИЗО. Наверное, он совершил суицид из-за психической неустойчивости. Вместе с тем, по тому заявлению компетентные сотрудники

разобрались, и было отказано в возбуждении уголовного дела. Неужели осталась какая-то обида у следователя...

И еще. Я гоню от себя мысли, что провокация в отношении меня связана с проведением мной в апреле 2012 года проверки по факту злоупотребления полномочиями заместителем главы одной из управ г. Москвы. В ходе проверки должностные лица местного самоуправления оказывали давление на следствие, пугали своими «связями в Генеральной прокуратуре» и угрожали проблемами лично для меня. Но я не воспринимал эти угрозы всерьез потому, что они были сказаны в порыве ярости, от безысходности, как мне кажется. На тот момент я думал, что моя честная работа – залог моей профессиональной и личной безопасности. Но перед самым принятием решения о возбуждении мной уголовного дела появляется наркоман (Ершов), который пишет на меня ложное заявление о взятке. Возможно, совпадение... Я склонен думать, что этот наркоман-рецидивист сам, без чьего-либо подстрекательства, подставил меня. Хотя... Раньше я даже представить не мог, что подобная провокация возможна в реальной жизни. Как горько я ошибался! Любой человек может оказаться в моей ситуации, если он попадает в сферу интересов определенных людей.

Уважаемый Александр Иванович! В ноябре 2010 года на совещании СК Вы дали указание не бояться прекращать дела, если обвинение не подтвердилось. Сейчас, я незаконно и необоснованно обвиняюсь в том, что честно работал, хотел привлечь к ответственности Ершова в соответствии с законом за совершенное им в очередной раз преступление. Но на фоне «борьбы с коррупцией» любому преступнику достаточно написать ложное заявление на следователя, что бы следователь Следственного комитета посадили его же коллеги.

Уважаемый Александр Иванович! Я обратился к Вам потому, что доверяю Вам. Не допустите, чтобы следователи-формалисты и карьеристы загубили мою жизнь.

Прошу Вас!

Клинников Е.В.